

Михал Муравски

Парк культуры *Tree*:

АРХИТЕКТУРА, РЕАЛЬНОСТЬ И КОЛОНИАЛЬНОСТЬ
В СОБЯНИНСКОЙ МОСКВЕ

Michal Murawski

The Park of Culture T(h)ree: Architecture, Reality and Coloniality in Sobyenin's Moscow

Михал Муравски (Университетский колледж Лондона, доцент, Школа славянских и восточноевропейских исследований; PhD) m.murawski@ucl.ac.uk.

Michal Murawski (UCL; Lecturer in Critical Area Studies, School of Slavonic and Eastern European Studies; PhD) m.murawski@ucl.ac.uk.

Ключевые слова: архитектура, постколониализм, Москва, Нью-Йорк, труд, экология, эстетика

Key words: architecture, post-colonialism, Moscow, New York, labour, ecology, aesthetics

УДК:

UDC:

В статье на примере парка «Зарядье» рассматривается политическая экономика и эстетика публичных пространств в современной России. В ней обосновывается тезис о том, что происходящий в настоящее время процесс трансформации российских публичных пространств протекает в эпицентре глобальной «Культуры Tree», в рамках которой понятия об экологии, публичности и гибридной субъектности ставятся на службу действующему «реколонияльному» режиму государственного спекулятивного капитализма.

Murawski's article examines the political economy and political aesthetics of public space in contemporary Russia, focusing on Zaryadye Park. It argues that the current transformation of public space in Russia is at the epicentre of a global Culture Tree, in which progressive notions of ecology, publicness and hybrid subjectivity are appropriated in the service of an emergent, "recolonial" regime of speculative sovereign capitalism.

Поскольку вы затронули КБ «Стрелка»... да, конечно, мы страшные, собственно генштаб колониальных войск... который на настоящий момент завоевывает Россию. Это мы, мы угнетаем по всем городам, эксплуатируем к благоустройству <...> И, практически, в России сейчас 1112 городов, из них половину мы и делаем <...> Я тут работаю как Геббельс, как идеолог этого процесса колониального, вот и, конечно, меня страшно волнуют перспективы колониализма, и я хотел бы и дальше двигаться в этом направлении.

Григорий Ревзин

Эти слова прозвучали в декабре 2017 года на открытой дискуссии, посвященной идеологическим, культурным и политическим составляющим феномена московского парка «Зарядье» — архитектурного мегапроекта, расположенного по соседству с Красной площадью и сданного в эксплуатацию в сентябре того же года [Институт Зарядьелогии 2017: 33]. В роли самопровозглашенного Геббельса выступил один из приглашенных экспертов-докладчиков, Григорий Ре-

взин, который вот уже на протяжении двадцати с лишним лет считается ведущим (и самым смелым) архитектурным критиком России¹.

Ревзинская тирада с упоминанием Геббельса прозвучала в разгар дискуссии о колониализме. Докладчики и слушатели жарко спорили друг с другом о том, кроется ли за проектом парка «Зарядье» и сопутствующим политическим контекстом некая колониальная составляющая. Если таковая составляющая действительно имеет место, — спросил у Ревзина автор данной статьи, — то, значит, она присуща и остальным курируемым КБ «Стрелка» программам благоустройства городских пространств? Я начал с цитирования реплики Ревзина, так как в ней затрагиваются некоторые из ключевых тем, раскрытию которых и посвящена данная работа. Ниже я обращусь к анализу как непосредственно самого феномена парка «Зарядье», так и всей кампании по благоустройству в целом (а также роли, которую играет в ней КБ «Стрелка»). Каково политическое, экономическое и эстетическое назначение парка «Зарядье»? Укладывается ли проект парка Зарядье, в частности, и проект благоустройства в целом в русло сугубо российской постсоветской авторитарной модернизации или же его следует рассматривать в более широком международном контексте? Что есть собственно *колониального* в этом парке и почему упоминания о его колониальности у многих вызывают столь эмоциональную реакцию? И, наконец, каковы возможные пути деколонизации Зарядья, если оно и впрямь колониально?

Культурная логика глобального собянинизма

Московский парк «Зарядье» часто фигурирует в официальных и медийных сводках как «подарок» Владимира Путина или Сергея Собянина жителям Москвы. Над проектом работала модная архитектурная компания «Diller Scofidio+Renfro», специалисты которой хорошо подкованы в критической теории и позиционируют себя как «бунтари» и «диссиденты». Эстетику и посыл проекта принято соотносить с глобальностью, новаторством, космополитизмом и экофутуризмом и противопоставлять помпезному гигантизму «лужковского стиля». В терминологии Владимира Паперного парк «Зарядье» — это скорее «Культура Один», нежели «Культура Два» [Паперный 2004]. Однако же, это такая «Культура Один», которая вбирает в себя невероятное количество национальных (и имперских) иконографий, идеологий и символик. Говоря иначе, «Зарядье» — это «Культура Два», маскирующаяся под «Культуру Один», или скорее даже сопряжение первой и второй. Итак, парк «Зарядье» есть не что иное, как «Культура T(h)ree» (или «Культура Tree» для краткости)².

-
- 1 В настоящее время Ревзин является партнером КБ «Стрелка» — крупного провайдера консалтинговых услуг в области городского планирования с солидным (более 300 человек) штатом сотрудников, который на подрядной основе курирует программы благоустройства общественных пространств в сотнях российских городов. Еще в 2013 году КБ «Стрелка» было мелкой, зачаточной структурой в составе Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», однако именно этому консалтинговому бюро московские власти поручили проведение международного архитектурного конкурса проектов парка «Зарядье». Этот заказ и послужил стартовым импульсом для дальнейшего головокружительного взлета компании.
 - 2 Позднее Паперный задался вопросом о том, не выльется ли в итоге «Культура Three» в своего рода форму «экологического авангардизма» [Паперный 2012]. Впрочем, этот вопрос он оставляет открытым.

Ил. 1. Парк «Зарядье», Березовая роща. 2017. Фотография автора.

Ил. 2. Парк «Зарядье», ~~Северные пейзажи~~. 2017. Фотография автора.
Северный ландшафт

Определение «Культура Тее» я использую применительно к политико-эстетическому концепту новой постслужковской Москвы (наиболее полным и наглядным отражением которого, собственно, и является парк «Зарядье»). Открытие парка «Зарядье» состоялось в сентябре 2017 года во время празднования московского Дня города. Повинуясь центробежной силе инерции, программа обновления и благоустройства тротуаров и улиц «Моя улица» распространилась на ранее не охваченные территории городских окраин и спальных районов. Кроме того, в городе разворачивается самая масштабная в новейшей европейской истории программа реновации жилого фонда³.

3 Как отмечает экономико-географ Наталья Зубаревич [Зубаревич 2017], в 2016 и 2017 годах на одну только программу благоустройства были выделены ранее неслы-

Более того, в настоящее время преобразовательный проект благоустройства экспортируется далеко за пределы Москвы, постепенно распространяясь по всей России и на постсоветском пространстве за ее пределами. Сейчас КБ «Стрелка» воспроизводит отработанную в Москве модель в четырехстах городах России от Грозного до Свободного. Одновременно во многих городах и весях от Баку до Краснодара множатся мутанты и клоны — или, если угодно, колонии — парка Горького и парка «Зарядье». В период расцвета сталинизма в начале 1950-х годов комплекс ВДНХ в Москве стал важнейшим экспортным продуктом в области архитектуры. Советские архитекторы учитывали опыт его создания при строительстве в Киеве, Варшаве, Берлине и Пекине [Castillo 2012: 114]. На постсоветском пространстве периода 1990—2000-х годов ту же роль играли Манежная площадь и торговый центр Охотный Ряд. В то время Киев, Минск, Улан-Батор сплошь зарастали стеклянными куполами и бронзовой скульптурной нелепицей в духе Церетели. Сегодня же, как, не сговариваясь друг с другом, отметили многие из моих собеседников, «Зарядье» — это «новая Манежка»⁴.

В основу моей статьи легли материалы, собранные в 2017—2018 годах за шестнадцать месяцев полевых исследований в «Зарядье», а также различного рода наработки Института Зарядьелогии (в котором помимо автора работала группа студентов и преподавателей московской Высшей школы урбанистики)⁵. Структура представленного ниже анализа в общих чертах копирует схему эссе Монастырского «ВДНХ — столица мира» [Monastyrsky 2017]. Вначале я обозначаю контуры *центральности* Зарядья как символического и показательного локуса-микрокосма, раскрывающего особенности политической эстетики и экономики современной Москвы и России⁶ и отражающего их место в контексте нарождающейся на глобальном уровне нового витка урбанизма (или, иными словами, глобальной «Культуры Трее», в рамках которой «драматургические» экоутопические и технонарциссические парадигмы публичности, суверенности и монументальности приобретают новое смысловое измерение, будучи поставленными на службу логике накопления капитала)⁷. Далее я рассматриваю преимущества и недостатки анализа «Культуры Трее» в рамках теоретической парадигмы деколонизации и постколониализма (так, например, ряд моих московских собеседников и информантов пользовались применительно к Зарядью термином «внутренняя колонизация»). На мой взгляд, в са-

ханные суммы, в общей сложности составляющие 15% от всего муниципального бюджета и превышающие сходные затраты лужковской поры в три раза (для сравнения: средний региональный бюджет подобных программ в реальном выражении в 16—17 раз меньше текущего московского).

- 4 В ходе шестого зарядьелогического семинара эти наблюдения были высказаны Никитой Асадовым, а во время пятого — Сергеем Медведевым. Расшифровки всех зарядьелогических семинаров доступны по ссылке: bit.do/Zaryadyology. Комментарии Кубы Снопика были даны в ходе личной беседы в 2018 году.
- 5 Результатами нашей деятельности стали ряд «зарядьелогических» дискуссий, тематический блок статей в журнале «Городские исследования и практики» (2018), а в июле—августе 2018 года в Государственном музее архитектуры имени А.В. Щусева прошла выставка современного искусства «Портал Зарядье».
- 6 Я употребляю здесь термин «центральность» в значении, отсылающем к «диалектике центрального» Анри Лефевра. См.: [Lefebvre 1991: 55; Murawski 2017].
- 7 Я использую определение «драматургические» в том же ключе, что и Денис Максимов, который пишет о «политической драматургии».

мом Зарядье, равно как и в сверхцентрализованной программе благоустройства в целом, нет практически ничего постколониального. По сути, парк «Зарядье» — это, скорее, *по-прежнему* колониальный или, если угодно, *реколониальный* проект: своего рода выставочно-ботанически-парково-ресторанный дворик, созданный в самом центре столицы для демонстрации богатства и разнообразия российской кухни и флоры, построенный за счет низкооплачиваемого труда мигрантов из окраинных провинций Империи. Имперская грандиозность проекта подчеркивается не только его передовой «американской» экоэстетикой и фантастической себестоимостью, но, прежде всего, его кажущейся экономической иррациональностью в качестве элемента «устройства общественного блага» — «райского» публичного пространства, устроенного на территории одного из самых дорогостоящих в мире участков для застройки.

Как показывает мое исследование, в реколониальной атмосфере «Культуры Tree» позывы колониальной природы российского настоящего (и даже прошлого — будь то советского или дореволюционного) обладают мощным побудительным и острающим эффектом. Однако обнажение и осмысление колониальной логики «Зарядья» — то есть, собственно, деколонизация как самого «Зарядья», так и более широкого поля «Культуры Tree», — не представляются в полной мере возможными без параллельного анализа сопутствующих классовых, расовых и телесных иерархий во всем многообразии их хитросплетений и, самое главное, без понимания того, что политическая экономика и эстетика российского режима «благоустройства» вовсе не отрицает (или имитирует, или извращает) нарождающуюся культурную доминанту спекулятивного урбанистического капитализма, которую мы, собственно, и именуем глобальной «Культурой Tree», а, напротив, представляет собой ее неотъемлемую часть. Не ограничиваясь критикой «Зарядья» (и «Культуры Tree»), я также подвергаю критическому анализу постулаты либеральной критики в их адрес, которые хоть и указывают на колониальность и подчиненность этого феномена авторитарной политике вертикали власти, в основной своей массе сводятся к заявлениям о «фальшивости» и «поверхности» «Зарядья» (и всевозможных его колоний) в сравнении с так называемыми «реальными» публичными пространствами Европы и Северной Америки⁸.

В этой статье я постараюсь в первом приближении охарактеризовать «Культуру Tree» на основе тех первичных данных, которые мне удалось собрать за пятнадцать месяцев полевых исследований в парке «Зарядье», который является символическим (а также фактическим) ядром современного российского курса на благоустройство и, одновременно с этим, одним из наиболее наглядных воплощений глобальной «Культуры Tree» (или же, если угодно, глобального «Собянинизма»). Я выстраиваю объяснение «Культуры Tree» в соответствии с несколькими уровнями ее функционирования, каждый из которых примерно (но не полностью) соотносится с подразделами данной статьи.

8 Необходимо пояснить, что я вовсе не пытаюсь отстаивать «реальность» «Зарядья» или оспаривать его искусственность, обманчивость, «фальшивость» и «показушность», ведь все эти эпитеты вполне к нему применимы, однако в несколько ином ключе и контексте, чем тот, в котором их используют либеральные критики.

Дикий урбанизм: усложненность, противоречивость и центральность в архитектуре

В ходе пятых «зарядьелогических» дебатов урбанист и культурный критик Антон Калгаев выдвинул тезис о том, что эпоху, наступившую в России после 1991 года, можно разделить на несколько периодов, каждый из которых определяется особым оборотом речи [Институт Зарядьелогии 2017: 17—20]. В классификации Калгаева беспредел 1990-х годов был временем «как бы», так как именно с помощью этого оборота выражалась «тотальная неуверенность в народной массе по поводу того, что происходило». 2000-е годы прошли под лозунгом «на самом деле», в котором отражалась общая тенденция к стабилизации. Нынешнее же десятилетие, совпадающее со временем становления «Культуры Tree», — самое странное из всех. По мнению Калгаева, мы живем в эпоху «не только, но и», «когда любое перечисление превращается в дополнение».

Калгаев считает парк «Зарядье» наиболее характерным воплощением присущих нашему времени двойственности и противоречивости. В первом же ТЗ, составленном Стрелкой для конкурса архитектурных проектов будущего парка «Зарядье», он описывается как «не только место притяжения, но и зона отчуждения», как «новый взгляд на старую Москву» и даже как «зеленая альтернатива Красной площади». Эта любопытная противоречивость формулировок идеально вписывается в рамки понятия «wild urbanism» (поначалу его перевели на русский как «дикий урбанизм», но затем спешно переименовали в «природный урбанизм», чтобы избежать нежелательных ассоциаций с «диким капитализмом» времен беспредела/«как бы»). Это понятие как нельзя лучше соответствует ключевому идеологическому принципу, лежащему в основе победившего в конкурсе проекта модной нью-йоркской команды ландшафтных дизайнеров во главе с Диллером, Скофидио и Ренфро. Как отметил в своем выступлении на церемонии открытия парка «Зарядье» сам Чарльз Ренфро, «дикий урбанизм» тяготеет к созданию «таких мест, где природа и городское пространство сталкиваются друг с другом самым неожиданным образом».

Вопреки звучащим в проморолике утверждениям о том, что «дикий урбанизм — это отсутствие традиционных троп», критики неоднократно отмечали, что ничего радикального или нового в идее совмещения города и природы нет. Что действительно поражает в «диком урбанизме» парка «Зарядье», так это то, насколько безапелляционно его парадоксальность и неоднородность переводятся в идеологические аксиомы более высокого порядка. В данном контексте «Зарядье» можно рассматривать как постмодернистское воплощение принципа «сложности и противоречивости» в архитектуре, провозглашенного Робертом Вентури [Venturi 1966] полвека тому назад. Однако, как заметил Калгаев, за такого рода фетишизацией сложности кроется некая злоедающая симптоматика, характерная как для настоящего, в котором мы живем, так и для нашего отношения к окружающей действительности [Институт Зарядьелогии 2017: 20]. Иными словами, формулировка «не только, но и» затушевывает тот факт, что в действительности все находится под чьим-то жестким контролем. Она создает ложную иллюзию плюрализма, тогда как на деле общество живет по навязанным ему законам монополии или автократии.

Выдвинутая Калгаевым фразеологическая типология эпох перекликается с описанным Сергеем Ушакиным применительно к Барнаулу 1990-х и начала

2000-х годов феноменом «производства невероятного количества популярных и теоретических дискурсов, обнажавшего недостающие звенья и скрытые структуры общества». Однако если в постсоциалистическом Барнауле «лихих девяностых» «никакие экономические, правовые или эстетические рамки не могли гомогенизировать фрагментированное и полуприватизированное публичное пространство и обратить его в единую бесшовную поверхность» [Oushakine 2009: 21], то «Зарядье» воплощает крайне примечательный подход к решению этой проблемы. Как было справедливо подмечено Калгаевым, «Зарядье» успешно создает «бесшовную» или, по меньшей мере, монохромную поверхность на полуприватизированном участке земли с весьма сложной схемой владения, расположенном в самом сердце столицы. Причем достигается этот эффект отнюдь не посредством правовой или эстетической «гомогенизации» (как в случае с тем же храмом Христа Спасителя или памятником Владимиру Великому на Боровицкой площади, которые представляют собой монументально-символические образы единства православной России и располагаются на участках, находящихся в единоличной собственности). Напротив, «Зарядье» демонстрирует эстетику гетерогенности, инаковости и органицизма, а его кадастровому измерению в полной мере присущи неопределенность и изменчивость сложного государственно-частного совладения. Иными словами, «Зарядье» — парк не только гомогенный, но и гетерогенный, а также не только государственный, но и частный.

«Пытаясь делать вывод — продолжал Калгаев, — я пришел к странной мысли, что все это смешно и забавно, но все это как будто открыло какой-то портал в ад» [Институт Зарядьелогии 2017: 20]. В этот момент его перебил архитектор Тимур Башкаев, занимавшийся оформлением интерьеров Медиацентра и научно-познавательного центра (так называемого Заповедного Посольства) в «Зарядье», и, перехватив мысль оппонента, парировал: «Не только в ад, но и в рай!» Вставное замечание Башкаева как нельзя лучше вскрывает всю сложность и противоречивость «Зарядья», а вместе с тем — степень и масштабы его *центральности*. Эта центральность имеет прямое отношение одновременно к муниципальному и к общему геополитическому контексту, а также к границе между двумя планами существования. Фактически «Зарядье» — это элиадевская *axis mundi* [Eliade 1959], то есть своего рода портал перехода между миром профанного и миром экстраординарного, между раем и адом⁹.

Собрание собраний

Центральность (и колониальность) «Зарядья» с наибольшей очевидностью проявляется в многочисленных актах «собрания», отраженных в его архитектуре, устройстве и культурном наполнении, а также в политической и экономической составляющих схемы его создания и финансирования. В данном случае под «собранием» я подразумеваю центростремительный объединяющий жест, направленный на соединение компонентов и аспектов определенной модели мира в рамках единого центрального репрезентативного пространства.

9 Об этом см. также: [Benedyktowicz 1991: 16—32]. Я анализирую примеры использования концепции Элиаде польскими исследователями в: [Murawski 2019: 100—136].

Такого рода собрание является архетипической имперской стратегией. Наиболее показательными примерами ее применения стали мировые выставки XIX и XX столетия, которые организовывались с целью демонстрации собранных в рамках единого пространства богатств той или иной империи. В Советском Союзе это были в большей степени автаркически ориентированные, но от этого ничуть не менее грандиозные по своим масштабам Всесоюзные выставки (и в первую очередь, конечно же, ВДНХ — самая крупная и известная из них, открывшаяся в Москве в 1937 году) [Castillo 2012; Paperny, Devos and Ortenberg 2015]. Если говорить непосредственно о «Зарядье», то наиболее ярким проявлением собрания, схожим по своему организационному принципу не только с ВДНХ, но и с типологией Императорского ботанического сада, служит размещение в парке образцов главных российских «ландшафтных зон», к числу которых относятся тундра (или «северные ландшафты»), степь, луг и лес (причем последний подразделяется на хвойный, прибрежный, березовый и смешанный подтипы). Участки, отведенные под перечисленные ландшафтные зоны, озеленяются на постоянной ротационной основе с использованием ботанической коллекции, насчитывающей «свыше 180 видов растений», которые «отражают богатство российской природы — от каменистых ландшафтов тундры до ароматного разнотравья южнорусских степей» [Кудрявцев 2017: 56]. Эта сменная ботаническая экспозиция выставлена на обозрение в спиралевидном «Флорариуме» из стекла и бетона, расположенном в научно-познавательном центре «Заповедное Посольство»¹⁰.

Другой характерный для «Зарядья» акт собрания представлен в кулинарной плоскости. Под крышей Гастрономического центра «Зарядье» — роскошно отделанного ресторанный дворика с соответствующим богатству интерьеров уровнем цен — собраны кухни народов России и всего постсоветского пространства. Еще более широкий спектр разнообразных национальных блюд (по еще более высоким ценам) предлагается в ресторане «Восход», оформленном в неофутуристском «космическом» стиле. Парящие горшки и космические вазы с красными гвоздиками соседствуют здесь с демиургическими барельефами рабочих и колхозниц (Вера Мухина и Микеланджело «в одном флаконе») и подствечниками в виде модели солнечной системы; крыша точно в-точно напоминает свою предшественницу из ныне уже не существующего ресторана «Космос» при гостинице «Россия», а трубчатые потолки словно бы прибыли напрямик из аэропорта Шереметьево. Стилистика меню отражает идею о том, что «в отличие от геополитических реалий пространство бывших республик СССР навсегда сплочено в нашем сознании едиными кулинарными традициями»¹¹. Ностальгия по советскому плавно трансформируется здесь в ностальгию по имперскому: «В ресторане “Восход” кухни народов СССР объединяются в одну вселенную современной российской кухни». Парк «Зарядье» (по крайней мере, в своей ресторанный-гастрономической части) превращается в поддерживаемую частным капиталом симуляцию социалистического изобилия и ностальгическую фантазию реколонизальной России.

10 Используемая в «Зарядье» типология природных зон практически полностью совпадает с классической системой разделения исконно русских «ландшафтов» по типам, выработанной Докучаевым, Львом Бергом, Петром Савицким и другими учеными советской и дореволюционной поры.

11 См.: <http://voshodrest.ru/rest2>.

Ил. 3. Ресторан «Восход». Фотограф Никита Крючков. Изображение предоставлено студией дизайна интерьеров «Sundukovy Sisters».

По завершении трапезы гостям парка предлагают принять участие в симулированном «четырёхмерном полете над Москвой» (в ноябре 2018 года также открылся долгожданный аттракцион под названием «полет над Россией»), в общих чертах повторяющем — с поправкой на современный технологический уровень съемки — сцену полета из снятого по всем сталинским канонам фильма 1940 года «Светлый путь» режиссера Александрова (или «Алиса в Стране чудес Культуры Два», как отозвался об этой картине Владимир Паперный), а также посетить «Машину времени» — другой 4D-аттракцион, представляющий собой цифровую панорамную ретроспективу истории «Зарядья», Красной площади и Кремля (похожую на панораму Бородинской битвы в формате CGI)¹². Детям предлагается послушать лекции по генетике и этноботанике в Заповедном Посольстве и присоединиться к экскурсиям по «Флорариуму», построенному как миниатюрная копия башни Татлина, с высаженными по всей конструкции представителями 141 вида российской флоры. В боковом крыле научно-познавательного центра располагается «Ледяная пещера» — «постоянная арт-инсталляция», созданная по проекту основателя Арктической биеннале современного искусства Александра Пономарева. После ряда проволочек этот объект, создававшийся при поддержке со стороны Российского географического общества (РГО) и представляющий собой густую сеть замороженных труб, по которым стекают сотни литров мерзлой воды, наконец открыли для посещения в июле 2018 года. Тогда же мэр Москвы Сергей Собянин назвал его «частицей российского Севера в Москве». Посетив все эти (и многие другие) платные аттракционы (20 минут «Полета над Москвой» обойдется в 790 рублей, тогда как «Ледяная пещера» всего

12 Подробнее о роли панорам в построении империй см.: [Mitchell 1989: 220—221].

в 200), посетители могут насладиться захватывающими видами Кремля, собора Василия Блаженного и сталинской высотки на Котельнической набережной с двух основных смотровых (а также селфи-) площадок парка: с засаженной тундровой растительностью крыши Медиацентра или же с нависающего над Москвой-рекой «Пярящего моста».

Фальшфасад и «потемкинская деревня» «Культуры Tree»

Начиная с сентября 2018 года посетители парка получили возможность посещать концерты оркестра под руководством Валерия Гергиева в открывшемся Концертном зале «Зарядье». Те, у кого не было билетов, могли забраться по поросшему травой холму к самой крыше зала, построенной в виде гигантского стеклянной шапки с применением специальной технологии, поддерживающей внутри комфортный микроклимат в любое время года¹³. Из-под этой гигантской стеклянной шапки они — вплоть до осени 2018 года, когда его полностью разобрали — могли видеть остатки строительного городка, на грязных проулках которого располагались склады и мастерские, где работали, а иногда и жили по три-четыре человека в бытовке непосредственные строители парка «Зарядье».

Ил. 4. За фальшфасадом. Фотография автора.

Строительный городок располагался у прямо противоположной от концертного зала границы парка, на территории возле заброшенного Воспитательного дома (некогда величественного здания екатерининских времен, в котором изначально располагался сиротский приют, а затем — уже в советское время — военная академия и которое в 2017 году приобрела компания, принадлежащая миллиардеру Геннадию Тимченко с целью перестройки его в рос-

13 Ибо, как говорит Чарльз Ренфро в посвященном «Зарядью» проморолике, «в условиях природного урбанизма лето может быть зимой, а зима — летом».

Ил. 5. За фальшфасадом. Фотография автора.

It would make more sense if Fig. 5 was further on in the text - around p. 19 where the gorodok behind the falshsasad is described

кошный отель и бизнес-центр). С улицы строительный городок закрывали огромные баннеры с изображениями макетных видов строящегося парка и «перегруженных обещаниями слоганами» [Кремер 2018]: «Строим Парк Зарядье!»; Зарядье — отдых и развлечения круглый год!»; «Зарядье — новые горизонты. Парк нового искусства!»; «Зарядье — парк XXI века!».

Такого рода баннеры в России принято называть «фальшфасадами». Этот термин привычно ассоциируется с понятием «потемкинские деревни»¹⁴. Легенда о «потемкинских деревнях» связана с «рядами бутафорских фасадов» [Werrett 2008: 59], которые ставили по берегам Днепра во время поездки Екатерины Великой по недавно отвоеванным у Польши и Турции южноукраинским (Новороссия) и крымским степям. Эти «деревни», подчеркивает Веррет,

14 О «потемкинских деревнях» см. также: [Allina-Pisano 2007; Gusejnova 2013].

не предназначались для того, чтобы Екатерина непременно принимала их за чистую монету. Они скорее являлись элементами нарочито театрализованной демонстрации «новой России» будущего, то есть служили для создания «идеализированного образа того, чем должна стать Россия под властью просвещенной Императрицы» [Werrett 1999: 8]. И эта Россия будущего мыслилась вовсе не как деревня (пусть даже и невымышленная), а как райский сад. Как показывает в своей работе Стивен Баэр, в придворном дискурсе того времени императрица нередко представляла в образе «садовода» или «плантатора» — то есть своего рода богоподобного сеятеля семян «счастливого государства-сада» [Baehr 1991: 79]¹⁵.

Примечательно, что действующий московский мэр Сергей Собянин нередко примеряет на себя имидж, во многом сходный с екатерининским. Так, в ходе предвыборной агитации в преддверии выборов мэра Москвы в 2018 году его нередко позиционировали как человека, чьими трудами и стараниями столица превратилась в Эдемский сад. Непосредственно в день выборов 9 сентября (который совпал с празднованием Дня города в Москве, а также первой годовщины открытия парка «Зарядье») главные проспекты в центре города полностью освободили для пешеходов и превратили в некие подобия островов райского изобилия. Москвичи нежились на раскладных искусственных газонах и фотографировались в специальных местах для селфи на Тверской, обозначенных приклеенными к тротуару постерами с видами «Зарядья». Дети резвились в заполненных шариками сухих бассейнах, расписанных в фирменные зелено-желтые полосы программы благоустройства. Это временное озеленение города было приурочено к фестивалю «Цветочный джем», который проходил в Москве с 30 августа по 9 сентября под ежедневный гром фейерверков над Кремлем. Согласно официальным сводкам, «кульминацией праздника стал конкурс любительских цветников в День города (День выборов). Жители под руководством профессиональных садовников создали более полутора тысяч уникальных цветников во всех районах столицы» [Активный гражданин 2018].

В ходе инициированных командой Собянина кампаний по благоустройству распространение фальшфасадов достигло поистине мифических масштабов [Murawski 2018b]. Собянинские фальшфасады заслоняют собой не только настоящие фасады домов, но также тротуары, публичные пространства и другие элементы городской инфраструктуры, находящиеся в процессе благоустройства. В тех случаях, когда за каким-то из охватываемых программой реновации зданий признается культурно-историческая ценность, на закрывающем его фальшфасаде помещается изображение приблизительных очертаний фасада реального. В остальных случаях объекты реновации закрываются фальшфасадами со специально разработанными для этих целей в КБ «Стрелка» узорами «под Бюрена» из чередующихся зеленых и белых полосок или изображениями цифровых макетов завершеного проекта, всегда выполненными по утвержденному муниципальными властями шаблону.

Для москвичей вполне привычно отзываться о «Зарядье» и программе благоустройства как о «фальшфасаде» и «потемкинской деревне». По словам архитектора и художницы Марии Кремер, которая воссоздала огромный фальшфасад перед входом на выставку «Портал Зарядье», «фальшфасад паразитирует существующую материю фасада, в своем роде обесценивая ее. Он отводит ре-

15 Об этом см. также: [Schönle 2007].

альному фасаду место в прошлом». Кремер считает, что парк «Зарядье» — это не просто очередной объект, скрывающийся за фальшфасадом: «Самой внушительной кулисой площадью 150 000 квадратных метров является сам парк “Зарядье”. Акт занавешивания гигантского масштаба» [Кремер 2018: 8].

Примечателен тот особый акцент, который художница делает на присущей фальшфасаду паноптической власти, — власти скрывать, обнажать и контролировать. По мнению ряда исследователей, проект «потемкинских деревень» был с дозволения светлейшего князя разработан Сэмюэлем Бентамом (вероятно, при участии его брата Иеремии). Братья Бентам состояли на службе при дворе Потемкина на новозавоеванных территориях незадолго до знаменитого путешествия Екатерины в Крым, состоявшегося в 1787 году. Именно в период Сэмюэль изобрел эпохальный архитектурный принцип паноптикума, предопределивший направление развития дисциплинарно-пенитенциарной мысли на века вперед, а Иеремия, в свою очередь, написал знаменитый трактат о способах практического применения этой идеи, позднейшие итерации которой в условиях колониального Египта [Mitchell 1991] и Индии [Kaplan 1995] задокументированы и исследованы куда более полно и подробно, чем, собственно, обстоятельства ее возникновения в пределах Российской империи.

Становление модели «публичной селфи-самости»: драматургический аспект «Культуры Трее»

Пожалуй, самым известным и широко обсуждаемым «манифестом» «Культуры Трее» является текст Григория Ревзина, опубликованный на американском интернет-портале Carnegie.Ru. По мнению Ревзина, благоустроенная улица должна выглядеть так:

Улица в своем высшем проявлении — это театр, где люди постоянно меняют роли актера и зрителя. Вы можете идти по улице и наслаждаться тем, что на вас смотрят; и street-fashion, тип рекламы, основанный на том, что высокие марки запускают моделей и светских персонажей по улицам и отслеживают количество постов в Instagram, основан именно на этом. Это теперь есть в Париже, Милане, Лондоне и Нью-Йорке, а в Москве нет — почему? [Ревзин 2016].

Кроме того, по Ревзину, ключевыми характеристиками драматургической улицы являются ее «парковость», а также насыщенность камнем (вместо асфальта) и зеркалами.

В своей недавно вышедшей книге «Парк культуры. Культура и насилие в Москве сегодня» Михаил Ямпольский полемизирует с Ревзиным [Ямпольский 2018]. Ямпольский рассматривает Парк культуры и отдыха им. Горького как воплощенную метафору (или же индикатор) «особого культурного формирования», которое, по его мнению, представляет собой прямое отображение эстетической структуры собянинской Москвы. Как утверждает Ямпольский, политика нынешних московских урбанистов и культурных менеджеров, а также всей собянинской программы благоустройства (или «перестройки города») «в каком-то смысле направлена на превращение всей столицы в гигантский Парк Горького» [Там же: 32].

Характерно, что отсылка к парку встречается и в названии другой критической работы о культуре и политике в современной России, опубликованной

в один год с книгой Ямпольского. В данном случае речь идет о сборнике эссе Сергея Медведева под названием «Парк Крымского периода. Хроники третьего срока» [Медведев 2018]. Хотя сам Медведев напрямую участвовал в обсуждении программы благоустройства и конкретно парка «Зарядье» как ее главной части (об этом см. ниже), в его книге метафорическая фигура парка проступает куда менее отчетливо: в основном через ряд завуалированных отсылок к «Парку Юрского периода», аннексии Крыма и сорокинской идее «нового средневековья». Собянинская Москва, город-парк «Культуры Tree» — это, по его мнению, всего лишь «властная утопия», которая на деле оказывается «лишь отделкой потемкинского фасада» и представляет собой «такой же имитационный фасад, как сталинские и брежневские проспекты, созданные для демонстрации целей власти... сделанный дорого и некачественно» [Там же: 92].

Как я уже отмечал в другой своей работе [Murawski 2018], многие ученые и популярные критики социалистических принципов градостроительства последовательно выступают против этого типа урбанизма, упрекая его в отсутствии должной «инфраструктуры» и называя его «фальшивым», «поверхностным», «театральным» и «симулятивным» (или же надстроечным, выражаясь языком марксистских понятий). Сама логика такого рода критики социализма с его «дефицитом реальности» подразумевает (будь то прямо или косвенно), что по-настоящему «реальной» может быть только политэкономия, выстроенная на основе рыночных отношений, тогда как прочие ее типы — и в первую очередь те, что опираются на социалистическую модель, — на деле являются *нестественными*, а потому *фальшивыми*. Однако, как показывает в своей работе Сергей Ушакин, похожую критику «дефицита реальности» использовали «неокомму» в постсоциалистическом Барнауле, но чтобы сделать противоположное утверждение, близкое теории «товарного фетишизма» Маркса, а именно что жизнь при социализме была «реальной», тогда как социальные отношения, построенные на денежных началах, являются по сути своей «поверхностными» и «фальшивыми» [Oushakine 2009: 42—58]. Российские либеральные критики программы благоустройства комбинируют обе эти системы аргументации. С одной стороны, они осуждают присущие собянинскому городу-саду элитарность, коррупционность и дороговизну, а с другой, — вслед за Медведевым и Ямпольским — рассматривают выказываемое режимом благоустройства неуважение к «рыночным институтам» (и в первую очередь к институту собственности) как пережиток социализма. Более того, Медведев и Ямпольский, в основном, анализируют (первый — парк «Зарядье», а второй, соответственно, Парк Горького) как *сугубо путинистические патологии*, то есть как феномены, порожденные слабой, квазиавторитарной и выставляемой напоказ суверенностью действующего в России политического строя. Однако оба они упускают из виду то, насколько эта идеология, которая столь четко прослеживается в статье Ревзина, соотносится с глобальной парадигмой публичности и нарциссизма (или же парадигмой публичной селфи-самости, как я предпочитаю именовать ее в рамках этой статьи). Если в России толчком к распространению этой идеологии послужила начавшаяся в 2011 году реконструкция Парка Горького, то на глобальном уровне ее апофеозом стал парк Хай-Лайн на Манхэттене, первая секция которого открылась двумя годами ранее (и который был спроектирован той же самой командой американских архитекторов, что позднее работала над парком «Зарядье»). Хай-Лайн являет собой эталонный пример публичного пространства, где спонтанность, поста-

новочность, коллективное самовозвеличивание и природная «дикость» становятся неотъемлемыми составляющими новой драматургии фланерства.

В 1974 году социолог и историк-урбанист Ричард Сеннет опубликовал свою знаменитую работу, в которой провозгласил «падение публичного человека». Основная мысль Сеннета заключалась в том, что взаимное отчуждение членов развитого капиталистического общества современности привело к полнейшему угасанию театральности повседневной общественной жизни — по крайней мере, в сравнении с классической античностью или Флоренцией времен Ренессанса [Sennett 1977]. Дальнейшая деятельность Сеннета была во многом посвящена попыткам возрождения этой утраченной театральности (в поисках решения этой проблемы он даже основал целый исследовательский институт и лабораторию идей под названием «Theatrum Mundi»). Осмелюсь предположить, что сеннетовская модель драматургического урбанизма нашла свое пусть и опосредованное, но вполне распознаваемое воплощение в «диком урбанизме» парков Хай-Лайн и «Зарядье». Вполне возможно, что публичный человек и впрямь пал, однако на его место постепенно заступает «публичная селфи-самость» — главный субъект «Культуры Tree».

«Золотая земля» в подарок, или «Культура Tree» как государственно-частный протекторат

Понимание публичности «Культуры Tree», в особенности — но не исключительно — ее российского варианта, невозможно без учета изначальной манеры подачи «Зарядья» как *подарка* гражданам от властей, а также всех вытекающих из этого жеста экономических и политических последствий. Как в свое время подметил Марсель Мосс (а вслед за ним и другие социальные антропологи), при определенных условиях дарение может рассматриваться как особая техника, позволяющая дарителю заманить одариваемого в ловушку неравноправных отношений, не теряя при этом стратегической возможности скрепить их внушенным чувством солидарности, дефицит которого нередко ощущается в обществах, основанных на обмене коммодифицированными ценностями или, иначе говоря, товарами. Подарок являет собой противоположность товару. Сама идея публичного пространства — в особенности, если речь идет о таком городе, как Москва, — неразрывно связана с логикой подарка. Спектакль дарения и идея публичности занимают центральное место в концепции «Зарядья». Как отмечают Николай Ссорин-Чайков [Ssorin-Chaikov 2006], Брюс Грант [Grant 2009] и ряд других антропологов, то же, хотя и не без своей специфики, характерно как для советского, так и для предшествовавшего ему имперского экспансионистского и колониального проектов. При всей отчетливой проявленности диалектики дара в «Зарядье» ареал ее присутствия не ограничивается постсоветскими пространствами «Культуры Tree». Парк Хай-Лайн тоже окрестили «необычайным даром будущему городу» на церемонии его открытия, которая проходила с участием миллиардера и филантропа Майкла Блумберга, в то время занимавшего пост мэра Нью-Йорка [Loughran 2014: XX]. Хотя особенности и детали плана выражения могут различаться от проекта к проекту, предположу, что в рамках «Культуры Tree» театрализация и диалектика акта дарения являются непременимыми составляющими любой инвестиции в публичное пространство.

Как бы там ни было, присутствие обоих парков в символическом поле, а также производимый ими политический и экономический эффект являются вполне реальными. Хай-Лайн появился раньше. Соответственно, размеры принесенных им за первые десять лет существования дивидендов легче поддаются измерению и оценке (основными индикаторами здесь служат привлеченные за это время инвестиции в размере около двух миллиардов долларов и увеличение стоимости окрестной недвижимости (в среднем на 103% в радиусе пяти минут ходьбы от парка)) [Lindner, Rosa 2017: 23—27]. Важно также отметить, что по нью-йоркским меркам затраты на строительство парка Хай-Лайн были сравнительно невелики (бюджет проекта не выходил за рамки девятизначной суммы в долларах), тогда как вызванный этим строительством экономический эффект, напротив, весьма радикален и значителен. Непосредственную экономическую отдачу проекта «Зарядье» вычислить куда сложнее (в данном случае мы не берем в расчет доходы фирм, занимавшихся непосредственным строительством, оформлением и техническим оснащением парка). Конечно, в краткосрочной перспективе (и в полном соответствии с чаяниями Ревзина) «Зарядье» и другие объекты «Культуры Трее» приносят их посетителям дивиденды в виде лайков в Instagram¹⁶. Кроме того, результаты президентских и мэрских выборов 2018 года, на которых каждый из инкубентов сумел увеличить свой московский электорат примерно на треть, очевидно, свидетельствуют о прямой политической выгоде, извлеченной из проекта «Зарядье» его кремлевскими покровителями. Таким образом, «Зарядье» как объект вливания огромных государственных средств, при неочевидной и, судя по всему, довольно ничтожной экономической отдаче, тем не менее стало источником существенных дивидендов политического и символического рода.

Задействованные в российском и американском вариантах «Культуры Трее» типы «открытых систем» объединяет высокая степень родового сходства: и «Зарядье» и Хай-Лайн являются производными классической неолиберальной инвестиционной модели государственно-частного партнерства, однако основные различия между ними кроются в направлении векторов взаимозависимости государственной и частной составляющих каждого из этих партнерств. Организационно-финансовая структура функционирования парка Хай-Лайн базируется на принципе частно-государственного паразитизма (или паразитирования), в рамках которого правительство (в данном случае нью-йоркский муниципалитет, находившийся на момент закладки парка под фактическим контролем олигарха Майкла Блумберга) выделяло львиную долю финансирования проекта, тогда как большая часть прибыли от него уходила и уходит в частный сектор экономики, а наименее обеспеченные слои нью-йоркцев страдают от растущей джентрификации городского пространства. «Зарядье» же работает по принципу государственно-частного протектората: здесь уже частный сектор — в данном случае в лице миллиардера Дмитрия Шумкова, который в 2013 году выкупил у городских властей участок под строительство отеля «Зарядье», а двумя годами позже был обнаружен повешенным на связке из трех галстуков в своих роскошных апартаментах в комплексе «Москва-Сити», после чего принадлежавший ему участок перешел в собствен-

16 КБ «Стрелка» использует количественный анализ активности в соцсетях (и в первую очередь в Instagram) как один из главных методов оценки успешности своих проектов.

ность инвестиционной компании «Киевская площадь» — предоставлял значительную часть изначального финансирования и теперь имеет право на получение некоторых дивидендов, однако правила доступа к проекту, условия сделок и оказания (или лишения) необходимой протекции всецело устанавливаются верховной властью.

Реколонизация по-русски, или Колонизация 2.0

Несмотря на эстетики и диалектики «дикости», горизонтальности, низовой стихийности, беспутья и ацентральности, и Хай-Лайн и «Зарядье» напрямую привязаны к «вертикалям власти» — этим строго иерархизированным и централизованным институциональным конъюнктурам — и существуют в непосредственной от них зависимости. Государство имеет значительную долю участия во властной вертикали что американского, что российского вариантов «Культуры Трее», однако же, во втором случае государственное влияние сказывается сильнее. Наиболее отчетливо эта тенденция просматривается в механике центробежного распространения программы благоустройства по всей России и остальному постсоветскому пространству. В зависимости от уровня благосостояния того или иного региона его благоустройство частично или полностью финансируется из сорокамиллиардного бюджета федеральной программы Министерства жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) «Комфортная городская среда» (КГС) [Комфортная городская среда 2017].

Оставляя в стороне реалии финансирования, отметим, что парк «Зарядье» агрессивно навязывается властями в качестве своего рода столицы «Культуры Трее» и золотого стандарта, на который следует ориентироваться при благоустройстве региональных публичных пространств. По словам директора «Марийскгражданпроекта» — головной проектной организации Республики Марий Эл, — непрямым пунктом подготовительного этапа осуществляемой при финансовой поддержке программы КГС реконструкции парковой зоны на набережной Йошкар-Олы стала ознакомительная поездка в парк «Зарядье». Менеджеры программы КГС в обязательном порядке рассылают настоятельные рекомендации к посещению «Зарядья» главам соответствующих региональных ведомств. Газетные материалы, посвященные проходящей под эгидой программы КГС реновации публичных пространств в провинциальных городах России, пестрят отсылками к «Зарядью», тон которых варьируется от вдохновенно-восторженного до издевательского в зависимости от степени приближенности той или иной региональной копии парка к столичному оригиналу (см., например: [Комсомольская 2018а; Комсомольская 2018б]).

По мнению урбаниста Свята Мурунова, эта центробежная экспансия «Культуры Трее», имеющая своей целью преобразование всей России по образу и подобию «Зарядья», осуществляется по единой модели, которую можно обозначить как «колонизацию 2.0» [Мукашева 2018]. По сравнению с советской моделью взаимодействия центра с периферией «колонизация 2.0» носит гораздо более выраженные имперские черты. По крайней мере, считает Мурунов, в Советском Союзе колонизация «часто упаковывалась в общие государственные цели и ценности», поэтому фактически «колонизация по-советски содержала в себе массу противоречий и побочных эффектов», хотя, «по сути, являлась колонизацией». Однако сегодня мы становимся свидетелями

полномасштабного «возвращения имперского мышления в России... выстраивания жесткой вертикали». По словам Мурунова, бюро «Стрелка», которое часто упрекают в пользовании преференциальным доступом к объявляемым в рамках программы благоустройства тендерам в сфере консалтинга и управления проектами, выступает в качестве символического (и фактического) агента продвижения «колонизации 2.0» на уровне городского планирования и благоустройства.

Вопросам, связанным с колониальной природой «Зарядья» и программы благоустройства, уделялось много внимания на проводившихся Институтом Зарядьелогии дискуссиях. Выступая на пятом зарядьелогическом круглом столе в московской галерее «Триумф», Сергей Медведев охарактеризовал «Зарядье» как «разновидность такой российской внутренней колонизации» [Институт Зарядьелогии 2017: 6]. Суммируя, уточняя и дополняя тезисы, обозначенные им в ходе дискуссии, Медведев написал в посте на Facebook, что «Зарядье» — «это пространство имперской ностальгии... которая воскрешается в этом ландшафтно-гастрономическом фарше, в этой гибридной кулебяке, колониальном “Дисней-ленде”, в этом памятнике фейку эпохи постправды» [Медведев 2017]. В ответ на эту медведевскую провокацию географ Ольга Вендина выразила общее мнение ряда слушателей и участников дискуссии, заявив, что воссоздание российских ландшафтов в центре столицы как раз, наоборот, является жестом *анти*колониальным, так как позволяет мигрантам чувствовать себя в Москве как дома, а автор внутреннего оформления павильонов «Зарядья» архитектор Тимур Башкаев задался вполне резонным, учитывая масштабы ущерба, нанесенного строительством парка Хай-Лайн социально-экономической среде Нижнего Ист-Сайда, вопросом: «Вот почему Хай-Лайн — это не колониальный проект, а парк “Зарядье” — колониальный?» [Институт Зарядьелогии 2017: 22]. Наиболее эмоционально отреагировал на упоминание о колониализме Григорий Ревзин из КБ «Стрелка», реплику которого по данному поводу я процитировал в самом начале статьи.

К колониальной проблематике обращались и некоторые из художников, представлявших свои работы на выставке «Портал Зарядье». В первую очередь речь идет об Александре Морозове с его серией глиняных скульптур в форме меховых шапок, отсылающей к далекому историческому прошлому «Зарядья», когда оно играло важнейшую роль в торговле пушниной (на его месте в свое время находились крупнейший в Москве меховой рынок и представительство английской Московской компании) [Морозов 2018: 34–35]. По личным наблюдениям Яны Сидиковой — медиатора из Института Зарядьелогии — реакция публики на работы Морозова была практически однозначно негативной. Особенно оскорбила зрителей именно интерпретация произведения как отсылающего к колониальному прошлому России. Такая трактовка не нашла поддержки ни с одной стороны, в частности, плотник из Башкортостана ответил на пояснение экскурсовода по поводу «колонизации малых народов Урала и Сибири»: «Здесь я с вами не согласен. Я сам с Урала, а колонизации... я не чувствую, чтобы нас колонизировали... последний, который пытался это сделать, это был Мамай!»

Как показывает приведенный выше обмен мнениями, публичная критика архитектурного мегапроекта с позиций теории «внутренней колонизации» способствует выявлению некоторых любопытных тенденций. Значительная сила острающего воздействия, вызываемого одним только упоминанием

о колонизации, подтверждается широким спектром практически неизменно негативных ответных реакций, откуда бы таковые ни исходили: от серьезных ли «экспертов» из галереи «Триумф» или же от более разношерстной публики из числа посетителей музея в «Зарядье», с которыми общалась Яна Сидикова. Причем характерно, что в реколониальной атмосфере России эпохи «Культуры Трее» эти резко негативные реакции приходят как со стороны условных «колонизаторов», так и со стороны «колонизируемых». Тем не менее, пользуясь словами посетительницы музея, отмечу, что все эти мнения свидетельствуют о продуктивности «глубокого копания» в многочисленных и пересекающихся друг с другом наслоениях иерархий и асимметрий, составляющих тело общества и культуры постсоветской России, — наслоениях, которые с гипертрофированной четкостью обнажаются в парке «Зарядье» и других подобных ему местах концентрации центральности.

Большинство строителей «Зарядья» (равно как и большинство тех, кто вовлечен в работы по благоустройству других столичных территорий) составляют гастарбайтеры родом из удаленных регионов России и бывшего СССР. Все они работают по сомнительным контрактам и являются представителями низшего класса, занятого на строительстве столицы «Культуры Трее»¹⁷. В городке строители и разнорабочие из числа выходцев с Украины, Кавказа, а также из Узбекистана и российской провинции жарят на импровизированных мангалах шашлыки, на вид мало чем отличающиеся от тех, что подают в ресторанах «Зарядья» — тех самых, где волею центростремительных сил собраны национальные кухни этих и многих других народов из бывшей советской семьи. Один из строителей говорит, что здесь с ними обращаются лучше, чем на других стройках: «Вот там Путин за стеной! Здесь нас не обманывают». Однако здешние бытовые условия далеки от идеальных. Как ответил один из строителей, когда мы спросили, не согласятся ли они показать «Зарядье» нашим студентам: «...у каждого студента из Вышки есть свое частное “Зарядье”, у папы на Ибнице! То, что было бы интересно, — привести их здесь и показать им, что в России любое здание — *любое!* — родится из дерьма, в котором живут строители». Другие строители обратили наше внимание на мультиэтничность состава их группы. На вопрос о том, хорошо ли ладят друг с другом строители «Зарядья», верующий мусульманин в тюбетейке, который с видом явного недовольства жарил шашлык, но все же не пил алкоголь с остальными, громко заметил: «Не только дружим, мы как одна семья уже! Он армянин, я узбек, это татарин... еще кто-то у нас ест? Все!» «И вы все здесь делаете вместе?» — спросил я в порядке уточнения. Армянин, помогавший своему узбекскому товарищу с шашлыком, ответил мне в риторическом духе: «А что? Россию же надо с колен поднимать!» В данном случае мой собеседник ссылаясь (в очевидной язвительной манере) на политическую метафору, которую часто принято ассоциировать с путинской эпохой, но которая, в действительности, пришла из 1990-х и берет начало в лозунгах политиков националистического крыла (и в первую очередь — Владимира Жириновского). Иначе говоря, строители «Зарядья» явственно осознают причину, по которой их прячут за фальшфаса-

17 Некоторые из наших вылазок в строительный городок, включая те из них, на которые я ссылаюсь здесь, частично показаны в документальном фильме Егора Исаева, который был включен в программу выставки «Портал Зарядье». Фильм доступен по ссылке: <http://vimeo.com/325180633>. См. также: [Исаев 2018].

дом среди «дерьма, в котором живут строители», равно как и свое положение трудящихся низшего сорта, приехавших с периферии империи на строительство ее столицы.

Заключение: деколонизируя «Культуру Tree»

Рассуждения о российском и советском колониализме, постколониализме и реколониализме — равно как и о необходимости деколонизации — могут быть скорее дополнены, нежели опровергнуты, при помощи другого языка критики, апеллирующего к базовым человеческим инстинктам и чувству социальной справедливости с меньшей долей опосредованности, чем прямые отсылки к колониальному дискурсу, которые почти всегда воспринимаются в штыки (тогда как сопутствующий им эффект остранения — при всем его потенциале — нередко способен оттолкнуть и даже оскорбить). В данном случае я имею в виду язык марксизма (или, скорее, язык максизма-ленинизма), который, как замечает Анна Круглова [Kruglova 2017], являясь наследием советской эпохи, по-прежнему сохраняет присутствие на всем постсоветском пространстве в качестве отдельных элементов языка повседневного общения, а также оказывает более или менее значительное влияние на индивидуальные мировоззрения в зависимости от степени его проявленности в подсознательном. Несмотря на характерную для постсоветской России классовую слепоту, расхожие обороты марксистской критики эксплуатации труда до сих пор у многих слетают с языка, о чем напрямую свидетельствуют высказывания обитателей строительного городка в «Зарядье» по поводу «дерьма, в котором живут строители». Выдвинутый Вальтером Миньолой и Мадиной Тлостановой тезис о том, что марксизм принадлежит к числу наносных «абстрактных универсалий» и, следовательно, является категорией колониальной, не применим к контексту постсоциалистического мира, где марксизм глубоко укоренен в идеологическом сознании [Tlostanova, Mignolo 2012]. В идеологической и социально-политической ситуации смещения колониальных и постсоциалистических конструктов и реалий любая попытка деколонизации, предпринимаемая без оглядки на классовый и смежные с ним (и чрезвычайно проявленные в реколониальном пространстве и времени «Культуры Tree») расовый, гендерный и другие модусы доминирования как на актуальные аналитические категории, обречена на неизбежный провал.

С целью обобщения приведенных в этой статье соображений и аргументов в ее завершение я постараюсь дать неизбежно неполный обзор некоторых характерных для глобальной «Культуры Tree» форм и стилей, а также выделить ряд ее аспектов, заслуживающих дальнейшего и более подробного изучения. Хотя выше я доказывал, что наиболее четко «Культура Tree» проявляется именно в Москве, где парк «Зарядье» и режим благоустройства предстают во всем своем нелепом величии на фоне жесткой вертикализации и централизации политической власти, я также утверждаю, что нет смысла воспринимать ее как явление, характерное исключительно для путинской России. «Культура Tree» прорастает из руин или разложившихся останков модерности (будь то развалившиеся гостиницы хрущевской эпохи или заброшенные железнодорожные ветки девятнадцатого века постройки). Она упивается собственной усложненностью и противоречивостью, однако, несмотря на присущие ей

«большие нарративы» и высокотехнологичную экоэстетику, скорее является — как замечает Дарья Волкова — культурой метамодерна, чем постмодерна¹⁸. По сути, «Культура Tree» последних лет — это подпитываемый глобальной (а в особенности российской — если верить выводам Марии Энгстрем [Engström 2018]) публичной культурой явственный и всеобщий возврат к формам, стилям, дискурсам и идеологиям высокой модерности. Кроме того, при всей своей тяге к усложненности и противоречивости, «Культура Tree» является порождением простых бинарных оппозиций. Подавая себя как культуру ризоматическую (а также горизонтальную и антимонументальную), «Культура Tree» на поверку оказывается сугубо древовидной (то есть монументальной в своей антимонументальности и структурно зависимой от вертикальных опор). Она подкрепляется грандиозными актами дарения, однако, во-первых, эта благотворительность сводится к дарению замаскированных под подарки товаров, а во-вторых, в качестве дарителей и бенефициаров выступают не только власть имущие и простые граждане, но также корпорации, спекулянты недвижимостью и филантропы. Номинально являясь общественным, пространство «Культуры Tree» принадлежит государственно-частным партнерствам или неправительственным организациям и ими же управляется. Все территории «Культуры Tree» сегментированы в соответствии с жесткой иерархией уровней доступа и доступности (по большей части определяемой уровнем материального достатка, расовой принадлежностью и степенью физической полноценности). «Культура Tree» неотделима от навязчивой и вездесущей риторики и эстетики экологизма, однако еще более навязчивым и вездесущим является оставляемый ею углеродный след. Адепты «Культуры Tree» неустанно и усиленно демонстрируют свою «свободную», «дикую» и «спонтанную» аффективность (а также приверженность принципам театральной экспрессии), однако «дикость» эта особого рода: она подвергается тщательной санобработке, а также регулируется, направляется, режиссируется, записывается, учитывается, контролируется и, самое главное, *дозволяется* стоящим над ней (и довлеющим ей) авторитарно-паноптическим¹⁹ режимом аудио-, видео- и самомониторинга. Контрольно-дисциплинарный арсенал «дикого урбанизма» «Культуры Tree» поражает широким разнообразием простых и сложных устройств передачи информации «снизу вверх» и «сверху вниз». На первый взгляд «Культура Tree» везде выглядит практически одинаково, однако в ней всегда остается место локальным вариациям. «Культура Tree» — явление планетарного масштаба, но она не может существовать повсеместно, так как строительство ее объектов подразумевает трату и расточение огромных средств. Поэтому «Культура Tree» в основном процветает в самом центре колониальной метрополии — будь то центр Москвы, Лондона, Дубая или Нью-Йорка, — однако же, всегда и везде ее здание возводится трудом социально-незащищенных мигрантов с имперских окраин — то есть тех, кто по своей классовой и расовой принадлежности, как правило, отличается от непосредственных потребителей этой культуры.

Пер. с англ. Никиты Михайлина

18 Подробнее о понятии «метамодернизм» в отношении Зарядья см.: [Волкова 2018].

19 О связи фигуры пантократора в православной иконографии с образом бентамовского паноптикума см.: [Werrett 2008: 62].

Библиография / References

- [Активный гражданин 2018] — Проект «Активный гражданин 2018» // <https://ag.mos.ru/p/5204> (дата обращения: 24.04.2019).
- (Proekt Aktivnyj grazhdanin 2018 // <https://ag.mos.ru/p/5204> (accessed: 24.04.2019)).
- [Волкова 2018] — Волкова Д.В. Мифология «Зарядья». Городские исследования и практики. 2018. № 2(4). Р. 85–92 // <https://doi.org/10.17323/usp24201785-92> (дата обращения: 24.04.2019).
- (Volkova D.V. Mifologiya «Zaryad'ya». Gorodskie issledovaniya i praktiki. 2018. № 2(4). P. 85—92 // <https://doi.org/10.17323/usp24201785-92> (accessed: 24.04.2019)).
- [Зубаревич 2017] — Зубаревич Н. Чем Москва Собянина отличается от Москвы Лужкова? // Ведомости. 2017. 27 октября.
- (Zubarevich N. Chem Moskva Sobyaniina otlichaetsya ot Moskvy Luzhkova? // Vedomosti. 2017. October 27.)
- [Институт Зарядьелогии 2017] — Институт Зарядьелогии. Зарядьелогия #5: «Идеология, культура и власть в постлужковской Москве». М.: Институт Зарядьелогии, 2017. // https://www.michalmurawski.net/uploads/4/4/5/2/44528969/zaryadye5_transcript_final23jan.pdf (дата обращения: 24.04.2019).
- (Institut Zaryad'eologii. Zaryad'elogiya #5: «Ideologiya, kul'tura i vlast' v post-luzhkovskoj Moskv». Moscow, 2017 // https://www.michalmurawski.net/uploads/4/4/5/2/44528969/zaryadye5_transcript_final23jan.pdf (accessed: 24.04.2019)).
- [Исаев 2018] — Исаев Е. По другую сторону стены // Портал Зарядье. Буклет выставки. М.: Институт Зарядьелогии / Ред. М. Муравски, Д. Кравчук. М.: Музей архитектуры им. Щусева, 2018 // <https://bit.ly/zbuklet> (дата обращения: 24.04.2019).
- (Isaev E. Po druguyu stranu steny // Portal Zaryad'e. Buklet vystavki / Ed. by M. Muravski M., D. Kravchuk. Moscow, 2018 // <https://bit.ly/zbuklet> (accessed: 24.04.2019)).
- [Комсомольская 2018a] — Нижегородское Зарядье: Большие качели «а-ля в Москве» простояли на площади Киселева меньше суток // <https://www.murmansk.kp.ru/daily/26752/3783303/> (дата обращения: 24.04.2019).
- (Nizhegorodskoe Zaryad'e: Bol'shie kacheli «a-lya v Moskv» prostoyali na ploshchadi Kiseleva men'she сутok // <https://www.murmansk.kp.ru/daily/26752/3783303/> (accessed: 24.04.2019)).
- [Комсомольская 2018b] — Уникальный сад-музей построят в Челябинске // <https://www.bryansk.kp.ru/daily/26898/3943050/> (дата обращения : 24.04.2019).
- (Unikal'nyj sad-muzej postroyat v Chelyabinske // <https://www.bryansk.kp.ru/daily/26898/3943050/> (accessed: 24.04.2019)).
- [Комфортная городская среда 2017] — Проект «Комфортная городская среда» // <http://gorodsreda.ru/gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 24.04.2019).
- (Proekt «Komfortnaya gorodskaya-sreda» // <http://gorodsreda.ru/gorodskaya-sreda/> (accessed: 24.04.2019)).
- [Кремер 2018] — Кремер М. Кулисы // Портал Зарядье. Буклет выставки. М.: Институт Зарядьелогии / Ред. М. Муравски, Д. Кравчук. Музей Архитектуры им. Щусева, 2018 // <https://bit.ly/zbuklet> (дата обращения: 24.04.2019):
- (Kremer M. Kulisy // Portal Zaryad'e. Buklet vystavki / Ed. by M. Muravski, D. Kravchuk. Moscow, 2018 // <https://bit.ly/zbuklet> (accessed: 24.04.2019)). <https://www.michalmurawski.net/zaryadyology>
- [Кудрявцев 2017] — Кудрявцев П. и др. Зарядье. Буклет. М.: Citymakers, 2017.
- (Kudryatsev P et al. Zaryad'e. Buklet. Moscow, 2017.)
- [Медведев 2017] — Медведев С. #ЗАРЯДЬЕОЛОГИЯ № 5 // <https://www.facebook.com/sergei.medvedev3/posts/10215395424987140> (дата обращения: 24.04.2019).
- (Medvedev S. #ZARYAD'EOLGIYA № 5 // <https://www.facebook.com/sergei.medvedev3/posts/10215395424987140> (accessed: 24.04.2019)).
- [Медведев 2018] — Медведев С. Парк Крымского периода: хроники третьего срока. М.: Individuum, 2018.
- (Medvedev S. Park Krymskogo perioda: hroniki tret'ego sroka. Moscow, 2018.)
- [Муравски 2017] — Блок материалов «Зарядьелогия» / Ред. М. Муравски // Городские исследования и практики. 2017. № 2 (4). С. 71–103.
- (Blok materialov «Zaryad'elogiya» / Ed. by M. Muravski // Gorodskie issledovaniya i praktiki. 2017. № 2 (4). P. 71—103.)
- [Морозов 2018] — Морозов А. Архитектура Промысла // Портал Зарядье. Буклет выставки. М.: Институт Зарядьелогии / Ред. М. Муравски, Д. Кравчук. М.: Музей архитектуры им. Щусева, 2018 // <https://bit.ly/zbuklet> (дата обращения: 24.04.2019).
- (Morozov A. Arhitektura Promysla // Portal Zaryad'e. Buklet vystavki / Ed. by M. Muravski, D. Krav-

- chuk. Moscow, 2018 // <https://bit.ly/zbuklet> (accessed: 24.04.2019).
- [Мукашева 2018] — *Мукашева А.* Святослав Мурунов: Что такое город? // Центр урбанистики Астана (<http://urbanastana.com/stories/murunov> (дата обращения: 24.04.2019)).
- (*Mukasheva A.* Svyatoslav Murunov: Chto takoe gorod? // Centr urbanistiki Astana (<http://urbanastana.com/stories/murunov> (accessed: 24.04.2019)).)
- [Паперный 2012] — *Паперный В.* Культура Три. Как остановить маятник? М.: Стрелка Пресс, 2012.
- (*Papernyj V.* Kul'tura Tri. Kak ostanovit' mayatnik? Moscow, 2012.)
- [Ревзин 2016] — *Ревзин Г.И.* Благоустройство Москвы: мы готовы терпеть кнут, но подавитесь вашим пряником // <https://carnegie.ru/commentary/63823> (дата обращения: 10.12.2019).
- (*Revzin G.I.* Blagoustrojstvo Moskvy: my gotovy terpet' knut, no podavites' vashim prynikom // <https://carnegie.ru/commentary/63823> (accessed: 10.12.2019).)
- [Ямпольский 2018] — *Ямпольский М.* Парк культуры: культура и насилие в Москве Сегодня. Москва: Новое Издательство, 2018.
- (*Yampolsky M.* Park kul'tury: kul'tura i nasiliye v Moskve Segodnya. Moscow, 2018).
- [Allina-Pisano 2007] — *Allina-Pisano J.* The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- [Baehr 1991] — *Baehr S.L.* The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- [Benedyktowicz 1991] — *Benedyktowicz Z.* Widmo Środka Świata: Przyczynek Do Antropologii Współczesności. Konteksty: Polska Sztuka Ludowa. 1991. Vol. 45. № 1. S. 16—32.
- [Castillo 2012] — *Castillo G.* Peoples at an Exhibition: Soviet Architecture and the National Question // Socialist Realism without Shores / Ed. by T. Lahusen and E. Dobrenko. Duke: Duke University Press, 2012. P. 91—119.
- [Eliade 1959] — *Eliade M.* The sacred and the profane: the nature of religion. New York: Harcourt, Brace & World, 1959.
- [Engström 2018] — *Engström M.* Daughterland: Contemporary Russian Messianism and Conservative Visuality // Russia: Art Resistance and the Conservative-Authoritarian Zeitgeist / Ed. by Lena Johnson and Andrei Erofeev. London: Routledge, 2018.
- [Gusejnova 2013] — *Gusejnova D.* Shopping at Sizomag: The Internet as a Potemkin Village of Modern Russian Penal Practice // Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2013. Vol. 5. № 3. P. 90—118.
- [Grant 2009] — *Grant B.* The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus. Ithaca: Cornell University Press, 2009.
- [Kruglova 2017] — *Kruglova A.* Social Theory and Everyday Marxists: Russian Perspectives on Epistemology and Ethics // Comparative Studies in Society and History. 2017. Vol. 59. № 4. P. 759—85.
- [Kaplan 1995] — *Kaplan M.* Panopticon in Poona: An Essay on Foucault and Colonialism // Cultural Anthropology. 1995. Vol. 10. № 1. P. 85—98.
- [Lefebvre 1991] — *Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1991.
- [Lindner, Rosa 2017] — *Lindner C., Rosa B.* Introduction: From Elevated Railway to Urban Park // Deconstructing the High Line: Postindustrial Urbanism and the Rise of the Elevated Park / Ed. by C. Lindner, B. Rosa. Rutgers University Press, 2017. P. 23—27.
- [Loughran 2014] — *Loughran K.* Parks for Profit: The High Line, Growth Machines, and the Uneven Development of Urban Public Spaces // City & Community. 2014. Vol. 13. № 1. P. 49—68.
- [Mitchell 1989] — *Mitchell T.* The World as Exhibition // Comparative Studies in Society and History. 1989. Vol. 31. № 2. P. 220—221.
- [Mitchell 1991] — *Mitchell T.* Colonising Egypt. Berkeley: University of California Press, 1991.
- [Monastyrsky 2017] — *Monastyrsky A.* VDNKH: Capital of the World. A Schizoanalysis // Cosmic Shift: Russian Contemporary Art Writing / Ed. by E. Zaytseva and A. Anikina. London: Zed Books, 2017.
- [Murawski 2017] — *Murawski M.* Radical Centres: The Politics of Monumentality in 21st Century Warsaw and Johannesburg // Third Text: Critical Perspectives on Contemporary Art and Culture, 2017.
- [Murawski 2018] — *Murawski M.* Actually-Existing Success: Economics, Aesthetics, and the Specificity of (Still-)Socialist Urbanism // Comparative Studies in Society and History. 2018. № 60 (4). P. 907—937.
- [Murawski 2018b] — *Murawski M.* My Street: Moscow is getting a makeover, and the rest of Russia is next // Calvert Journal, 29 May 2018 / <https://www.calvertjournal.com/features/show/10054/beyond-the-game-my-street-moscow-regeneration-urbanism>. (accessed: 24.04.2019).
- [Murawski 2019] — *Murawski M.* The Palace Complex: A Stalinist Skyscraper, Capitalist Warsaw and a City Transfixed. Bloomington: Indiana University Press, 2019.

- [Oushakine 2009] — *Oushakine S.* The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia. Culture and Society after Socialism. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2009.
- [Paperny 2004] — *Paperny V.* Culture Two: Architecture in the Age of Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- [Paperny, Devos and Ortenberg 2015] — *Paperny V., Devos R., Ortenberg A.* Architecture of Great Expositions 1937—1959: Messages of Peace, Images of War. New York: Ashgate, 2015.
- [Schönle 2007] — *Schönle A.* The Ruler in the Garden: Politics and Landscape Design in Imperial Russia. Bern: Peter Lang, 2007.
- [Sennett 1977] — *Sennett R.* The Fall of Public Man. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- [Ssorin-Chaikov 2006] — *Ssorin-Chaikov N.* On Heterochrony: Birthday Gifts to Stalin, 1949 // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2006. Vol 12. № 2. P. 355—75.
- [Tostanova, Mignolo 2012] — *Tostanova M.V., Mignolo W.D.* Learning to Unlearn: Decolonial Reflections from Eurasia and the Americas. The Ohio State University Press, 2012.
- [Venturi 1966] — *Venturi R.* Complexity and Contradiction in Architecture. New York: Museum of Modern Art, 1966.
- [Werrett 1999] — *Werrett S.* Potemkin and the Panopticon: Samuel Bentham and the Architecture of Absolutism in Eighteenth Century Russia // Journal of Bentham Studie. 1999. № 2. P.1—25.
- [Werrett 2008] — *Werrett S.* The Panopticon in the Garden: Samuel Bentham's Inspection House and Noble Theatricality in Eighteenth-Century Russia // Ab Imperio 2008. № 3. P. 47—70.